

УДК 81'42

К ВОПРОСУ О ЛЮДИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Р. З. Назарова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: inyaz.dekanat@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования прецедентных феноменов в художественном дискурсе. Особенности употребления прецедентных феноменов в людической функции трактуются с позиций не только бытового общения, которое копируется в художественном дискурсе, но и с позиций внутренних законов анализируемого произведения. Описываются некоторые особенности употребления прецедентных феноменов для создания языковой игры, а также высказывается предположение о предопределении формы прецедентного феномена его функционированием.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные высказывания, людическая функция, художественный дискурс, доминанта коммуникации.

To the Question of the Ludic Function of the Precedent Phenomena in a Literary Discourse

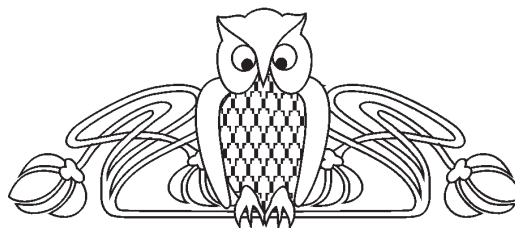
R. Z. Nazarova

The article touches upon several aspects of precedent phenomena functioning in the literary discourse. The peculiarities of using precedent phenomena in the ludic function are explained not only in terms of mundane communication which is reflected in the literary discourse but also with regard to the inner mechanisms of a literary work. The article discusses several specificities of how precedent phenomena are used in order to create a word play. The author also puts forward a suggestion that the ludic function of a precedent phenomenon may determine its form.

Key words: precedent phenomena, precedent sayings, ludic function, literary discourse, communicative dominant.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-29-32

Вопросы межкультурной коммуникации по-прежнему сохраняют свою популярность в кругах современных ученых. Причины этого, по нашему мнению, лежат в процессе глобализации, который еще далек от своего завершения. Для лингвистов проблемы межкультурной коммуникации становятся актуальными также в силу того, что проблема выработки успешных стратегий построения диалога культур в современном мире предопределяет жизни миллионов людей. Осведомленность коммуникантов об особенностях исторического и культурного развития представителей чуждой культуры, о различиях в менталитете и языковых картинах мира повышает шансы на проведение успешной межкультурной коммуникации. Один из вопросов кросс-культурного диалога – теория

прецедентности – находится в поле исследования настоящей статьи.

Отечественные лингвисты сформулировали основные положения и термины данной теории, главный из которых – прецедентные феномены, языковые единицы, используемые носителями языка для отсылки к прошлым явлениям и событиям своей собственной или чужой культуры. Прецедентные феномены – сложное и многогранное языковое явление, которое изучается современными лингвистами с различных позиций. Например, популярным в настоящее время становится лингвокультурологический подход, при котором прецедентные феномены рассматриваются как репрезентаторы артефактов человеческой культуры. При изучении прецедентных феноменов в художественном дискурсе преобладает подход, при котором они воспринимаются как «материализованные (вербальные) знаки интертекстуальности»¹, хотя, на наш взгляд, прецедентность несколько шире понятия интертекстуальности.

В данной статье целью ставится осветить лишь некоторые аспекты явления прецедентности. На материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы» попытаемся наметить некоторые особенности функционирования прецедентных феноменов в художественном дискурсе. Для этого введем следующее рабочее определение:

Прецедентные феномены – целостные семиотические единицы языковой системы, объективизирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так вплоть и для лингвокультурного сообщества в целом².

Данное определение задает некоторый вектор исследования прецедентных феноменов с позиций общей теории языка. Во-первых, прецедентные феномены воспринимаются как единицы языковой системы, а не только как единицы дискурса, хотя мы и считаем, что прецедентные свойства языковой единицы проявляются только в контексте употребления. Прецедентность нами рассматривается как свойство любого естественного языка накапливать и использовать текстовый опыт в ситуациях коммуникации, поэтому правдоподобным представляется включенность прецедентных феноменов в систему языка. Во-вторых, в определении объясняется механизм употребления прецедентных феноменов в речи, который обусловлен обязательной связью прецедентных феноменов с

явлением или событием прошлого. Данный механизм, по нашему мнению, отличает прецедентные феномены от других единиц языковой системы, например от фразеологизмов. И наконец, отмечается, что прецедентные феномены возможно выделить не только на уровне лингвокультурного сообщества (что делает их национально/культурно обусловленным явлением), но и на уровне малых языковых коллективов или даже отдельно взятой языковой личности. Подобное понимание прецедентных феноменов позволяет классифицировать их по уровням употребления.

Вслед за В. В. Красных и Д. Б. Гудковым, среди прецедентных феноменов выделяем *прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные имена*.

Среди дифференциальных признаков прецедентных феноменов основным считаем *референциальность*, т. е. способность давать отсылку к событию прошлого. Именно с помощью подобной отсылки функционирование прецедентных феноменов, на наш взгляд, становится возможным. По нашему мнению, не во всех контекстах языковые единицы (высказывания или имена собственные, например), обладающие прецедентным потенциалом, могут его проявлять. Например, имя собственное *Иван Сусанин* можно назвать прецедентным только в определенном контексте: (1) *Некоторые историки считают, что Иван Сусанин никогда не существовал, и вся легенда о том, как он завел отряд поляков в лес, выдумка.* (2) *Если Дональд Трамп победит на выборах, он станет для Америки, своего рода, Иваном Сусаниным: уж очень велика вероятность того, что заведет он свою страну куда-нибудь не туда.* В предложении (1) рассматриваемое имя собственное не является прецедентным, так как называет конкретного человека. В предложении (2) имя *Иван Сусанин* обозначает референта, о котором идет речь в коммуникативном акте, Дональда Трампа, посредством прямого наименования, через отсылку на прецедентную ситуацию. Таким образом, прецедентный феномен как знак языковой системы имеет четкую форму выражения и обладает прецедентными характеристиками, которые проявляются в некоторых контекстах, а в других оказываются скрытыми, и тогда форма выражения прецедентного феномена выступает, например, в качестве обычного имени собственного.

Функционирование прецедентных феноменов в художественном дискурсе, по нашему мнению, имеет ряд особенностей, продиктованных природой рассматриваемого дискурса. В художественном дискурсе диалог обычно осуществляется на трех различных уровнях: между персонажами книги, между автором и читателями и, наконец, между автором и его предшественниками. Таким образом, результат дискурса – художественный текст – представляет собой материал, в котором одно и то же языковое явление может функционировать одновременно в трех коммуни-

кативных актах. С другой стороны, несмотря на свой открытый диалогический характер, художественный текст – это закрытая система, которая обладает собственной структурой, набором тем, мотивов и характерных черт, раскрывающихся на его страницах. В связи с этим трактовка функционального потенциала прецедентных феноменов должна, по нашему мнению, осуществляться с поправкой на особенности каждого конкретного художественного произведения.

Изучая различные типы дискурса, российские ученые отмечают следующие функции прецедентных феноменов: 1) номинативная, 2) воздействующая, 3) парольная и 4) людическая, или игровая. В данной статье рассмотрим подробнее людическую функцию прецедентных феноменов с целью выявления некоторых закономерностей, характерных для художественного дискурса.

Термин *людическая функция* берет начало из латинского языка, где корень *-lud-* значит «игра». Поэтому часто можно встретить наименование подобной функции как игровой. Многие объясняют наличие подобной функции желанием носителей языка поиграть со словами, продемонстрировать собственное остроумие, сделать свою речь более красноречивой. Представляется, что компонент языковой игры является доминантным при употреблении прецедентных феноменов в рассматриваемой функции, но помимо этого при выполнении прецедентными феноменами игровой функции можно наблюдать ряд особенностей, продиктованных не только вышеупомянутыми мотивами. Людическая функция имеет несколько дополнительных аспектов, которые часто ускользают из поля зрения исследователей.

Действительно, обоснованным представляется, что одна из черт людической функции – это использование прецедентных феноменов для создания языковой игры. Для оживления разговора носители языка нередко прибегают к языковой игре, при этом прецедентные феномены выступают в качестве эффективных языковых средств, позволяющих добиться необходимого результата. В анализируемом нами романе Ф. М. Достоевского «Бесы» один из героев, Степан Трофимович Верховенский, прибегает к подобной форме чрезвычайно часто:

– О, друг мой, благородный, добрый друг! Я сердцем с вами и ваш, с одной всегда, en tout pays, и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о котором, помните, так часто мы трепеща говорили в Петербурге перед отъездом³.

В своем письме к Варваре Петровне Степан Трофимович дает неправильный перевод русского фразеологизма «куда Макар телят не гонял», который в данном контексте обозначает отдаленное место. Для Варвары Петровны и Степана Трофимовича подобное отдаленное место означает ссылку. Данную фразу можно декодировать следующим образом: *«мое сердце всегда будет принадлежать Вам вне зависимости от того,*

где в данный момент я буду находиться, даже в ссылке». Перевод Степана Трофимовича, на наш взгляд, обусловлен использованием французского слова *paus* – страна, которое он каламбурно повторяет при переводе пословицы. Для читателя данный необязательный перевод и каламбур показывают излишнюю театральность Степана Трофимовича, даже если сам он воспринимает это как проявление остроумия.

Этимологически анализируемый фразеологизм «восходит к фольклору, где имя Макар ассоциируется с бедным, несчастным человеком, неудачником»⁴. В связи с этим выражение «куда Макар телят не гонял» является собой прецедентное высказывание, за которым стоит прецедентный феномен и связанные с ним коннотации, обуславливающие употребление его в речи⁵:

Я смеялся в кабинете, хотя на душе оставался неприятный осадок, – случись, эти веселые ребята-фронтовики, которые на фронте не были, вернутся к власти, они со скоростью звука упекут меня куда Макар телят не гонял»⁶;

«Иванову-Разумнику мы устроим почетную ссылку, – заявил ему следователь, – а вас за знакомство с ним и за мысли отправим куда Макар телят не гонял!»⁷

Приведенные примеры взяты из «Национального корпуса русского языка» и относятся к художественным произведениям, описывающим невзгоды политических заключенных. Стоит отметить, что в корпусе присутствует значительное число вхождений анализируемого прецедентного феномена в текстах подобного рода и в подобных контекстах. Данные случаи функционирования рассматриваемого прецедентного высказывания, по нашему мнению, продиктованы коннотативными значениями, которые были отмечены выше. Вообще, рассмотрение пословиц и поговорок «как прецедентных высказываний основано на том, что они восходят к прецедентным ситуациям и выступают как маркеры этих ситуаций»⁸. В рассмотренном нами примере из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» негативная коннотация также наблюдается (прецедентное высказывание употреблено в контексте ссылки), однако форма прецедентного феномена подвергается изменению вследствие доминирующего мотива коммуниканта – проявить собственное остроумие, что обусловило употребление высказывания в юридической функции. Уместность подобной трансформации представляется сомнительной, но, тем не менее, выступает отличительной чертой идиостиля персонажа.

Вообще, возможность замечать неудачное употребление прецедентных феноменов в игровой функции ярко типизирует персонажей «Бесов». В романе Ф. М. Достоевского умение замечать и избегать неуместного употребления прецедентных феноменов делит всех героев на тех, которые могут контролировать свое речевое поведение и свой речевой образ, и на тех, кто не в состоянии этого сделать. Например, можно рассматривать

следующий пример в качестве позитивной характеристики Николая Ставрогина, другого персонажа книги, который также создает языковую игру с помощью прецедентного феномена, но понимает, что она является неуместной в текущем коммуникативном акте:

– По календарю еще час тому должно светать, а почти как ночь, – проговорила она с досадой.

– Все врут календари, – заметил было он с любезной усмешкой, но устыдившись поспешил прибавить: – По календарю жить скучно, Лиза.

И замолчал окончательно, досаждая на новую сказанную пошлость; Лиза криво улыбнулась»⁹.

В данном примере цитата из «Горе от ума» А. С. Грибоедова не просто является банальной, но и неуместной для конкретной ситуации общения. Николай Ставрогин и Елизавета Тушина, поддавшись страстному порыву, провели вместе ночь. К утру наступает момент рефлексии и сожаления о содеянном. Любые шутки кажутся неуместными, поэтому Ставрогин «устыдился» сказанного. Тем не менее, способность Ставрогина заметить неуместность употребления прецедентного феномена характеризует его как чуткого человека. Таким образом, данный пример показывает, что если даже прецедентный феномен используется для оживления беседы в юридической функции, его употребление должно рассматриваться с позиции внутренних особенностей художественного произведения. Так, в романе «Бесы» на уровне коммуникации между автором и читателем использование прецедентных феноменов в юридической функции может сообщить важную информацию о персонажах.

Помимо этого, в художественном дискурсе возможно заметить некоторые другие особенности употребления прецедентных феноменов в юридической функции, которая оказывается довольно тесно связанной с функцией номинации. Если прецедентные феномены могут быть использованы для наименования объектов и явлений действительности, то подобная номинация возможна благодаря способности носителей языка находить аналогии настоящей действительности в прошлом. Однако форма подобной аналогии оказывается нередко обусловленной мотивом игрового речевого поведения. В таких случаях уместным представляется говорить о юридической функции как о доминантной. Например:

– О, прощайте мечты мои! Двадцать лет! Alea jacta est!

Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдруг слезами; он взял свою шляпу.

– Я ничего не понимаю по-латыни, – проговорила Варвара Петровна, изо всех сил скрепляя себя»¹⁰.

В данном примере при разговоре с Варварой Петровной Степан Трофимович упоминает латинскую фразу *Alea jacta est!*, которая соответствует выражениям «перейти Рубикон» или «жребий бро-

шен». Данные прецедентные высказывания отсылают к событиям 49 г. до н.э., когда Юлий Цезарь повел свою армию через реку Рубикон в северной Италии. Степан Трофимович повторяет эту фразу несколько раз, подчеркивая ситуацию «невозврата», в которой он себя находит. К сожалению, Варвара Петровна не понимает его. Тем не менее, он не меняет своего речевого поведения: мог бы просто сказать «я не изменю своего решения», но повторяет ту же самую фразу еще раз в конце их разговора. Кажется, что в данном случае форма выражения более важна для говорящего, чем его содержание. Позднее в романе Степан Трофимович снова использует ту же самую фразу, только теперь он переведет ее на русский. В своем письме к Дарье Павловне он переводит латинскую фразу *Alea jacta est!* как «жребий брошен». Кажется, что теперь он хочет, чтобы его поняли, и форма высказывания не является важнее содержания. Таким образом, можно говорить о смене доминантной функции: теперь таковой является не людическая, но номинативная. Из этого следует, что функциональный потенциал прецедентного феномена, продиктованный зачастую экстралингвистическими условиями протекания коммуникативного акта, определяет его форму.

В художественном дискурсе людическая функция прецедентных феноменов может также быть связанной с функцией воздействия на адресата. Например, при анализе романа «Бесы» было обнаружено несколько примеров, когда прецедентные феномены употреблялись для лести:

– *Разумеется, я мигом всё переделала, и Прасковья опять на моей стороне, но интрига, интрига!*

– *Которую вы однако же победили. О, вы Бисмарк!*¹¹

В данном примере Степан Трофимович пытается сделать Варваре Петровне комплимент, используя при этом прецедентный феномен. Представляется, что выбор формы комплимента для него продиктован желанием угадать собеседнице, польстить ей и расположить к себе: Степан Трофимович занимает роль приживалы у Варвары Петровны. В последующем их ссора и отлучение Степана Трофимовича от семьи приводят к его смерти.

Рассмотренный пример показывает, что прецедентные феномены могут быть использованы для создания благоприятного образа. Адресант может прибегнуть к подобному приему, если хочет польстить адресату, либо для поднятия соб-

ственного авторитета, если сравнение с известной личностью проводится в отношении себя самого. Однако снова возможно наблюдать соединение двух функций прецедентных феноменов: людической и воздействующей. Воздействующая функция обеспечивает осуществление главного мотива адресанта – оказание влияния на адресата. Людическая функция нацелена на формирование игрового характера коммуникативного акта.

Итак, в настоящей работе было показано, что людическая, или игровая функция прецедентных феноменов в художественном дискурсе чаще всего реализуется в форме языковой игры для оживления бытового общения. Однако каждый конкретный случай подобного употребления прецедентного феномена должен рассматриваться с позиций внутренних законов художественного произведения. Например, умелое употребление прецедентных феноменов персонажами книги может быть использовано автором для положительной характеристики определенного героя. Также употребление прецедентных феноменов может быть обусловлено несколькими функциями одновременно, например, людической и номинативной. Проявление людической функции в качестве доминантной определяет форму прецедентного феномена.

Примечания

- 1 *Попова Е.* Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation “П”» и «Числа») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. С. 8.
- 2 *Назарова Р., Золотарев М.* Прецедентные феномены : проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 22.
- 3 *Достоевский Ф.* Бесы. М., 2008. С. 24.
- 4 *Мелерович А., Мокиенко В.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь : Около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. М., 2001. С. 389.
- 5 См.: *Привалова И.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М., 2005. С. 275.
- 6 *Володарский Э.* Дневник самоубийцы. М., 2005. С. 55.
- 7 *Иванов-Разумник Р.* Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С. 286.
- 8 *Привалова И.* Указ. соч. С. 275.
- 9 *Достоевский Ф.* Указ. соч. С. 423.
- 10 Там же. С. 281.
- 11 Там же. С. 50.

Образец для цитирования:

Назарова Р. З. К вопросу о людической функции прецедентных феноменов в художественном дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 29–32. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-29-32.

Cite this article as:

Nazarova R. Z. To the Question of the Ludic Function of the Precedent Phenomena in a Literary Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 29–32 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-29-32.